

**Я с вами
до скончания
века...**

Я с вами до скончания века...

«Сибирская Благозвонница»

2009

Я с вами до скончания века... / «Сибирская Благовонница»,
2009

В книге предлагается подробное изложение, объяснение и толкование последних глав евангельской истории – от входа Господня в Иерусалим до Его святых спасительных Страстей, Светлого Воскресения и Вознесения.

, 2009

© Сибирская Благовонница, 2009

Содержание

Последние дни пребывания Господа на земле	5
Первый день последней седмицы	6
Торжественный вход Господа в Иерусалим	6
Речь о прославлении в страданиях и гласс неба; наставление народу и ученикам	11
Второй день – Великий понедельник	15
Проклятие смоковницы	15
Изгнание торжников из храма	17
Третий день – Великий вторник	19
Наставление о силе веры и молитвы	19
Вопрос синедриона	20
Притчи о двух сынах, посланных отцом в виноградник, о злых виноградарях и о брачном пире сына царева	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Я с вами до скончания века...

По благословению Митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского ВЛАДИМИРА

Последние дни пребывания Господа на земле

Три с половиною года служения Господа нашего Иисуса Христа спасению человеческого рода приближались к концу. Непрестанною проповедью Евангелия и бесчисленными явлениями всемогущей силы в чудотворениях Спаситель утвердил веру в Своих учениках и последователях. Но еще не был исполнен предвечный совет Пресвятой Троицы об искуплении человеческого рода от греха, осуждения и вечной смерти кровью великой Жертвы: *Агнцу непорочному и пречистому Христу, предуведенному прежде сложения мира*, надлежало пролить честную Кровь Свою (1 Пет. 1, 19, 20) *для очищения грехов всего мира* (1 Ин. 2, 2), чтобы привести нас к Богу (1 Пет. 3, 18), разрушить дела диавола (1 Ин. 3, 8) отверсть нам двери Царства Небесного (Еф. 2, 6) и сделать наследниками жизни вечной (Тит. 3, 7). Наступала Пасха, единственная в бытописании человечества, когда истинная *Пасха наша – Христос – за ны пожрен бысть* (1 Кор. 5, 7), *да смертию упразднит имуцаго державу смерти, сиречь диавола* (Евр. 2, 14), *и изведет верующих из плена духовного в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8, 21).

Первый день последней седмицы

Торжественный вход Господа в Иерусалим

Мф. 21, 1–16; Мк. 11, 1–10; Лк. 19, 29–46; Ин. 12, 12–19

Господь наш Иисус Христос предначал последние дни Своей земной жизни таким действием, в котором явился перед всеми как предвозвещенный пророками и ожидаемый Израилем Спаситель. Пока еще не настало время Его (Ин. 7, 6), пока не пришел час крестного прославления Его (17, 1), Он тщательно избегал всех случаев, где народный восторг желал бы видеть исполнение заветной мечты о восстановлении древней славы Царства израильского (Ин. 6, 15); с тою же целью, во избежание перетолкований и затемнения истины примесью суетных ожиданий, Он нередко запрещал Своим ученикам и последователям разглашать всенародно, что Он есть ожидаемый Христос Спаситель (Мф. 12, 16; 16, 20; 17, 9; Мк. 5, 43; Лк. 5, 14). Теперь, ввиду страданий, мечтательность народная не могла дойти до какой-либо прискорбной крайности, а крест «решительно полагал конец в последователях Его всем подобного рода замыслам». «Часто и прежде сего, говорит – святитель Иоанн Златоуст, – Иисус Христос ходил в Иерусалим, но никогда не ходил с такою славою, потому что тогда было еще начало строительства Его, – время страданий еще не было близко; посему Он жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя». По мысли святого отца, славное явление Его в Самом начале «было бы не нужно и бесполезно: оно лишь возбудило бы в иудеях большой гнев». Во время спасительного служения Иисуса Христа одни веровали, слыша учение или видя чудные дела Его, а другие желали еще прямого объявления с Его стороны о том, что Он Мессия-Христос (Ин. 10, 24). И вот первый день седмицы, окончившейся смертью Богочеловека, был тем великим, знаменательным днем, которым решалась судьба не только многих современников Господа, но и всего народа иудейского. Для окончательного научения неведущих, вразумления упорствующих устранения сомнений людей, колеблющихся в вере наконец для укрепления веры истинных последователей Иисус Христос в последний раз предстал пред *дщерью Сиона*, избранным народом Своим, во всем неземном величии *Царя кроткого, праведного и спасающего* (Зах. 9, 9). Отвергнув Спасителя своего, иудеи уже не могли сказать, что отвергли Его по неведению, и по всей справедливости должны были испытать грозный суд Божий: «идет открыто, – по выражению блаженного Феофилакта, – дабы они, если пожелают, уразумели славу Его и через исполнение на Нем пророчеств познали истину: а ежели не пожелают уразуметь, то чтоб это обстоятельство послужило к большему осуждению их».

Кроме сего, вход Господень в Иерусалим имел еще особый знаменательный смысл. День этого события, без сомнения, не случайно совпал с тем днем, в который, по закону Моисееву (Исх. 12, 3), каждое семейство избирало агнца для Пасхальной вечери. Служа для израильского народа видимым знаком древнего благодеяния Божия, оказанного праотцам в Египте, пасхальный агнец прообразовал также *Агнца непорочного и пречистого* (1 Пет. 1, 19), *заколенного от сложения мира* (Откр. 5, 12; 13, 8), *Агнца Божия, вземлющего грехи мира* (Ин. 1, 29). Когда пришло время, прообразуемый Агнец Который был, по глубокомысленному выражению святителя Григория Богослова, «Жертвою, но и Архиереем, жрецом, но и Богом», Сам Себя уготовлял ввиду всего народа, чтобы, исполнив знаменование ветхозаветной Пасхи, сделаться для нового Израиля новою Пасхою. Вступив в святой город, как жертва, венчаемая на заклание, Иисус Христос провел немногие остающиеся дни Своей земной жизни в ясном предведении приближающихся страданий и смерти. Впоследствии для учеников Господа, по научению их от Духа Святого (Ин. 14, 26) и отверзению ума к уразумению Писаний (Лк. 24, 45), радостные

восклицания народа и победные знамения, сопровождавшие вход в Иерусалим, могли иметь еще иной Таинственный смысл – победы Спасителя над смертью и адом (1 Кор. 15, 55, 57). Святая Церковь, в своих песнопениях прославляя Господа как «Победителя смерти», изъясняет, что еврейские дети сретали Его с ветвями и ваиями, «предвозвещая победу Воскресения», и самые ветви древесные и ваии финиковые называет «знамениями Воскресения».

Торжественное шествие Господа в Иерусалим, несмотря на те необычайные почести, с какими народ и ученики приветствовали Божественного Учителя, само по себе было чуждо всяких признаков земного величия. Не видно было здесь пышности, какой обыкновенно окружают себя земные цари в шествиях своих, не видно было, скажем словами святого Прокла, «ни оружий, ни щитов, ни копий, ни порфир, ни грозных и могучих телохранителей, а видно все противоположное: осли слабое, младое, чуждое, к ярму готовимое, и сопровождающие – ученики». И могло ли быть иначе? Это, по выражению святителя Мефодия Патарского, «добрый и верный Пастырь грядет положить добровольно жизнь Свою за овец Своих, – грядет Бог на диавола, не с открытым могуществом, которого и зрение снести не может, но в немощной плоти, дабы связать сильного, – грядет Царь на мучителя, не с силою Вседержителя, не с премудростью, но с мнимым буйством креста, дабы посредством его исторгнуть добычу у змия, мудрого на зло». В великий день посещения Иисус Христос является перед лицом иудейского народа с обычной простотою, кротостью и смирением, в таком виде, который всего менее соответствовал мечтательным ожиданиям земного могущества. Хотя это событие и произвело движение в народе, но движение, не выходящее за пределы обыкновенного порядка, так что даже злейшие враги Господа, собирая отовсюду обвинения против Него, не осмелились сделать ни малейшего намека на вход Его в святой город. Да и римляне, ревнивые охранители своей верховной власти в Иудее, не щадившие ни огня, ни железа для подавления действительных или только воображаемых посягательств на свои права, не обратили внимания на торжество входа Господня в Иерусалим: так оно представлялось им невинным и чистым от всякой тени и подозрения! На другой день после вифанской вечери Спаситель продолжал путь Свой к Иерусалиму. Скоро Он поравнялся с селением Виффагиею, находившимся по соседству с Вифаниею на восточном склоне горы Елеонской (Мк. 11, 1; Лк. 19, 29), и, подзвав двух учеников, сказал им: *идита в весь, яже есть прямо вама, и абие входяща в ню, обряцета осли привязано и жребя с ним, на неже никтоже николиже от человек вседе, – отрешившиа приведита Ми, и аще кто вами речет: что творита сие? почто отрешаета? – сице рцята ему, яко Господь требует е, и абие послет е семо.* Святой евангелист Иоанн замечает, что ученики не понимали тогда цели и смысла величественного события, которое начинало раскрываться перед очами их (12, 16). Они знали древнее пророчество о Царственном пришествии Христа Спасителя в Иерусалим, но, не отрешившись еще от распространенных в народе ожиданий земного владычества Мессии, могли думать, что это пророчество исполнится в свое время иным образом. Утешая народ израильский среди бедствий, постигших его, пророк Захария предвещал о Царе, Который принесет с Собою мир и спасение: *се Царь твой грядет тебе кроток и всед на ослиа и жребя, сына подъяремнича* (9, 9). *Егда прославися Иисус*, говорит святой евангелист Иоанн, т. е. по Воскресении и вознесении Его, ученики *тогда помянуша, яко сия быша о Нем писана и сия сотвориша Ему* (12, 16). Но ученики и прежде этого случая не всегда ясно понимали слова и действия своего Учителя, а посему и на этот раз считали долгом исполнить поручение Его, не предаваясь излишней пытливости. Все произошло так, как предрек им Господь, и из этого соответствия события с предсказанием они еще более должны были удостовериться в Божественном всеведении и всемогущей силе Иисуса Христа. При самом входе в селение Виффагию посланные нашли ослицу, привязанную у ворот на улице и при ней молодого осла, и когда начали отвязывать, стоявшие там хозяева сказали им: *что отрешаета жребя?* Ученики отвечали, как повелел Иисус, и те беспрепятственно отпустили их. «Этого не могло бы быть, –

по толкованию блаженного Феофилакта, – если бы на владетелей жребяты не действовала сила Божия, побуждающая отпустить жребя: они были люди бедные и рабочие».

Посланные возвратились и привели с собою ослицу с молодым ослом. Тогда все могли понять, что, при всей простоте обстановки, предстоит нечто знаменательное и священное, потому что животные, не носившие ярма, в древности были избираемы для какого-либо особенно важного назначения (Чис. 19, 2; Втор. 21, 3; 1 Цар. 6, 7), а осел, в противоположность коню, служившему для военных нужд, считался символом мира. Это животное, отличаясь ровным и твердым шагом, было весьма полезно в домашнем быту жителей Востока и обыкновенно употреблялось и простыми, и знатными людьми для путешествий по горным и утесистым дорогам Палестины (Исх. 4, 20; Суд. 10, 4; 12, 14; 2 Цар. 17, 23; 19, 26; 3 Цар. 2, 40). На приведенного осленка ученики накинули свои верхние одежды, и когда Господь воссел, шествие продолжалось, представляя духовному взору, проникавшему будущее, Таинственный смысл. В торжественном входе Господа в Иерусалим святитель Иоанн Златоуст, кроме исполнения пророчества Захарии, находит еще «пророчество дел». По мысли блаженного Феофилакта, Господь, «прообразуя Своими действиями будущее, предвозвестил сим призвание нечистых язычников, т. е. что Он в них почиет, что они придут к Нему и за Ним последуют. Здесь через осленка означает Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус Христос, соделался чистым. Обрати внимание, – продолжает святой отец, – и на послушание осленка: как он, вовсе не обученный и не знавший еще узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно; – и это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни». Ослица, следовавшая за осленком, предозначала сонмище иудейское, вначале отверженное, но потом последовавшее примеру язычников: «наша блаженная и славная участь, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка; и действительно, после того как Иисус Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи по своей ревности придут к Нему». В церковных песнопениях также толкуется, что Господь «на жребя восшел образно, – языки укротевая»; «стропотное языков седалище жребца прообразоваше, из неверия в веру претворяемое», и призывается род иудейский придти и видеть, «Егоже виде Исаия во плоти нас ради прийти имуща, како уневещает Себе, яко целомудренный, новый Сион и отлагает осужденную сонмицу». И это «худое жребя» было как бы «высоким престолом», на котором воссел Христос, никогда не удалявшийся от недр Отца, не оставлявший и Херувимского престола, потому что «как долу с плотию Он присущ смертным, так точно горе Он с Отцем, как неложный и истинный Бог» (святитель Епифаний Кипрский).

Дорога к Иерусалиму шла по отлогому спуску Елеонской горы. Услышав, что Иисус идет в Иерусалим, множество народа, пришедшего на праздник, вышло к Нему навстречу. Не простое любопытство влекло эти толпы богомольцев к Спасителю, но искреннейшее желание сердца – приветствовать в Нем давно ожидаемого Мессию, благословенного потомка Давида, грядущего, как они думали, восстановить древнюю славу Израиля. Все, предшествовавшие и сопровождавшие Господа, при виде кроткого Царя, предсказанного пророком, пришли в восторг и в жару усердия старались выказать перед Ним все знаки величайшего почтения. Одни постилали по дороге свои одежды, – почеть, которую воздавали царям лишь в исключительных случаях (4 Цар. 9, 13); другие, срезая ветви с дерев, бросали их по пути. Такое торжество привело многим на память один из величайших праздников Израиля, установленный для прославления чудного странствования в пустыне: для выражения своих чувств, они воспользовались стихами псалма (Псал. 117, 25, 26), который, по давнему обычаю, было принято петь в праздник кущей, и к псаломским словам присоединили и свои задушевные пожелания. Потрясая пальмовыми ветвями, заповеданным в законе знамением священной радости (Лев. 23, 40), многолюдная толпа народа восклицала: *осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Благословенно грядущее Царство во имя Господа, отца нашего Давида! Благо-*

словен грядый во имя Господне Царь Израилев! Осанна в вышних! Торжественное осанна, т. е. *спаси, помоги*, слышалось со всех сторон. Всем казалось, что наступало исполнение давних чаяний славного Царства Мессии; общий восторг достиг высшей степени, и к радостным воплям народа ученики Господа присовокупили и свои громкие восклицания: *благословен грядый Царь во имя Господне! Мир на небеси и слава в вышних!* Хотя Сердцеведец ясно зрел в этих восторженных возгласах примесь мечтательных ожиданий, но, предоставляя ближайшему времени очистить понятия Своих последователей, не препятствовал радости народа выражаться свойственным ей образом.

Ликование народа, прославлявшего Спасителя, было неприятно всегдашним завистникам Его – фарисеям. Вмешавшись в толпу, они внимательно наблюдали за всем происходившим. Хитрые лицемеры, не смея обнаружить себя перед народом, решились обратиться к Самому Господу и, улучив минуту, среди шума восклицаний сказали Ему тоном упрека и угрозы: *Учителю, запрети учеником Твоим*. Они как будто хотели дать понять, что такая восторженная встреча, оказанная Ему, может вызвать подозрение со стороны языческого правительства и навлечь кару на увлекшийся народ. Господь видел, из какого источника истекает эта мнимая заботливость о благе народном, и отвечал им кратким, но многозначительным присловием (Авв. 2, 11), показывавшим, что настоящее событие совершается по непреложному определению свыше и что конечная причина его в тайнах Божественного Промысла, употребляющего в служебное орудие для себя и одушевленную, и неодушевленную природу: *глаголю вам, яко аще сии умолчат, камене возопиет*. Когда смолк голос воплощенной Истины, это свидетельство вопиющих камней, которые расселись во время крестной смерти Богочеловека (Мф. 27, 51), враги Христовы могли наблюдать собственными глазами.

Шествие, подвигаясь по склону Елеонской горы, приближалось к городу. С покатой возвышенности, где теперь находились путники, Иерусалим представлялся во всем величии: на первом плане, за потоком Кедронским, возвышался храм; около него, уступами, виднелись величественные портики с исполинскими колоннадами и многочисленные пристройки для помещений богослужебных принадлежностей и служащих лиц, а на северозападной стороне храма, как свидетельство того унижения, какое римские орлы принесли Израилю, выдвигалась крепость Антония с высокою башнею, господствовавшая над всею окрестностью. Влево от храма, за глубоким рвом, древние стены и башни, венчавшие Сионскую гору, служили памятником счастливых времен царей Иудейских. При виде города, сохранявшего еще следы своей вековой славы, Божественное лицо Господа выразило глубокую скорбь. Взорам Его, под покровом наружного великолепия, ясно представлялось приближающееся запустение Иерусалима и отвержение богоубийственного народа. Окруженный ликующею толпою, среди радостных криков, Всеведающий зрел, что настоящий день посещения, который мог бы составить славу и счастье Израиля, делается для него началом ужасных бедствий. Он знал, что торжественное осанна через несколько дней сменится яростными воплями: *возми, возми, распни Его!* (Ин. 19, 15), знал что дочь Сионова, приветствующая своего Царя, скоро перед лицом чужеземной власти отречется от Него: *не имамы царя!* (ст. 15), знал, что, по выражению святителя Филарета Московского, «Царствие Небесное, как молния, открывшееся над Иерусалимом, и поглотится, как молния, областью темною». А за сим Он уже видел исполнение грозного суда Божия над отверженным городом и народом, – и из очей Его потекли слезы, обильные слезы беспредельной любви, желающей спасения заблуждающим и встретившей упорное сопротивление. Обратив взор Свой к городу, Спаситель произнес голосом, в котором слышалось искреннее участие к судьбе его: *яко аще бы разумел и ты, в день сей твой, еже к миру твоему! Ныне же скрыся от очию твоею, яко придут дни на тя, и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсюду, и разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не разумел еси време посещения твоего*. Многим из спутников Господа суждено было видеть исполнение этого пророчества во всей поразительной точности.

Еще не успело одно поколение смениться другим, как под стенами Иерусалима явились римские легионы (в 70 г. по Р. Х.), чтобы сломить последний оплот возмущившихся иудеев, Тит окружил город окопами, обвел его стеною и сильно стеснил осажденных, вынуждая их к сдаче голодом. Несмотря на упорную защиту, Иерусалим был взят и предан совершенному разорению: все здания его были сравнены с поверхностью земли, и плуг пахаря прошел по тому месту, где стоял преступный город.

По вступлении Господа Иисуса Христа в Иерусалим, весь город пришел в движение. При виде многочисленной толпы, сопровождавшей Его и громко выражавшей свое восторженное настроение, жители города, а также богомольцы, собравшиеся на праздник, спрашивали: кто есть Сей? Народ говорил: *Сей есть Иисус Пророк, Иже от Назарета галилейска*. При этом пришедшие из Вифании и знавшие все подробности воскрешения Лазаря рассказывали любопытным, как Он вызвал четверодневно мертвеца из гробовой пещеры и возвратил его к жизни. Слава чуда, переходя из уст в уста, возбуждала во всех непритворное удивление. Одни только завистники Христовы – фарисеи не разделяли общей радости народа. В крайнем смущении от всего, чего пришлось им быть невольными свидетелями, они говорили друг другу: *видите, яко никакаяже польза есть, – се мир по Нем идет*. Шествие направилось туда, куда стремились благочестивые израильтяне всеми желаниями сердца (Пс. 41, 2, 3), – к храму, составлявшему славу и величие святого города. Здесь, в святилище Иеговы, подобало всенародно явиться предвозвещенному пророками Мессии и в знаменательный день посещения Своего еще раз засвидетельствовать чудесами о Своем Божественном посланничестве. Много раз во время общественного служения Своего приходил Господь в храм, но настоящее пришествие Его напоминало иудеям внушительнее, чем когда-либо, древнее пророчество: *внезапу придет в церковь Свою Господь, Егоже вы ищите, и Ангел завета, Егоже вы хотите, – се грядет* (Мал. 3, 1). Когда Владыка храма вступил в священную ограду, Он увидел здесь то, против чего еще в начале Своей проповеди выражал праведное негодование (Ин. 2, 13–17), увидел, как в месте молитвы и богомыслия приютилась злая страсть корысти: восплав ревностью о славе Отца Небесного, Он очистил святилище от всех продающих и покупающих, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: *писано есть: храм Мой – храм молитвы наречется, вы же сотвористе и вертеп разбойником?* Слова сии читаются у пророков Исаии (56, 7) и Иеремии (7, 11). Присутствие Господа в храме тотчас сделалось ощутимым, и к милосердому Целителю недугов собрались все чаявшие получить от Него не простой дар, а тот, который только Он мог дать – исцеление: слепые, хромые окружили Его и получили то, чего ожидали – исцеление. Эти чудеса увеличили общую радость дня, к которой присоединились даже малые дети. В невинном детском восторге от всего виденного и слышанного поспешив за Иисусом Христом в храм, они огласили дворы и портики святилища своими криками: *осанна Сыну Давидову!* Не понимая смысла слов, они повторяли только то, что недавно слышали при торжественной встрече Господа. Но и эта, не вполне сознательная хвала не была отвергнута Тем, Кого славословят все *дела рук Его*, и даже самая неодушевленная природа (Пс. 18, 2). Первосвященники и книжники, приведенные в негодование чудесным исцелением недужных и восклицаниями детей, прославлявших Иисуса Христа, обратились к Нему с насмешливым упреком: *слышиши ли, что сии глаголют?* Господь отвечал Своим завистникам словами псалма, в котором изображается величие Божие, видимое во всем мире, в великих и малых творениях, даже в неразумных младенцах и грудных детях: *ей, несте ли чли николиже, яко из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу* (Пс. 8, 3)? Так, замечает святитель Иоанн Златоуст, «дети, еще не достигшие зрелого возраста, вещали великое и достойное неба, а мужи говорили слова, исполненные всякого безумия».

Речь о прославлении в страданиях и гласс неба; наставление народу и ученикам *Ин. 12, 20–50; Мф. 21, 17; Мк. 11, 11*

Вчисле богомольцев, пришедших в Иерусалим на праздник Пасхи, были также еллины – язычники, заимствовавшие от иудеев веру в единого Творца мира, и, по всей вероятности, – так называемые *прозелиты врат*, которые, не принимая обрезания и не подчиняясь обрядовому закону во всей подробности, считали, однако, своею обязанностью являться в храм на великие праздники. Строго отличаясь во мнении народа от *прозелитов правды*, принимавших все иудейские верования и обряды, начиная с обрезания, они могли иметь доступ только к вратам храма, не далее внешних притворов святилища. Некоторые из этих прозелитов, привлеченные славою Господа, пожелали видеть Его несколько ближе и, если можно, вступить с Ним в беседу. Но они сами не смели приблизиться к Иисусу Христу и, подойдя к одному из учеников Господа – Филиппу, просили содействия его: *господи, хотим Иисуса видети*. Как ни просто и невинно само по себе было желание этих полуязычников, но исполнение его представило апостолу немало затруднений. Памятно было наставление Господа, обращенное к двенадцати апостолам, при отправлении их на проповедь: *на путь язык не идите, идите же паче к овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 10, 5, 6); не забыты были слова, сказанные Им о Себе Самом: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (15, 24).

«Ясно, – мог думать Филипп, – Учитель желает ограничить Свою деятельность пределами народа избранного, и домогательство еллинов не соответствует видам Его, а поэтому не может быть принято благоволительно». Святой апостол счел за лучшее посоветоваться с Андреем, первозванным учеником, происходившим из одного с ним селения – Вифсаиды галилейской (Ин. 1, 44) и вместе с ним пользовавшимся перед Господом особым дерзновением (6, 7–10). Они оба, по совещании, решились рассказать Иисусу Христу о желании еллинов.

Это случайное повидимому появление еллинов представилось взору Богочеловека событием глубоко знаменательным. Три с половиною года служения спасению погибших чад Израиля прошли; предстояло великое крестное служение спасения всего падшего человечества. Настал час страшный, но спасительный, час всемирной Жертвы; пришло время прославления Сына Человеческого через смерть, и смерть крестную, и распространения веры в Него между всеми языками (Флм. 2, 8–11). Пора, оставив иссыхающую смоковницу – дочь Сионову, обратиться к *дикой маслине* (Рим. 11, 17) – язычникам, жаждущим истины и правды; и привить их к единой плодоносной *Лозе* (Ин. 15, 5). Пора доброму Пастырю *положить душу Свою за овцы* (Ин. 10, 11) и послужить многоплодным семенем для Царства Небесного, вознестись через крест в предвечную славу Свою (Лк. 24, 26; Ин. 17, 5) и, собрав крестом всех верных Своих последователей, привлечь их горе – в светлые обители Отца небесного (Ин. 14, 2, 3).

Язычники у дверей Царства Божия: это, по мысли Господа, – знамение и для Него Самого (ст. 23–30), и для всего мира (31–33), и в частности для Израиля (34–36). Не отвечая прямо на желание еллинов, переданное Андреем и Филиппом, Он мысленно созерцает перед Собою спасительный крест, открывающий всему человечеству путь новый и живой (Евр. 10, 19). *Прииде час, да прославится Сын Человеческий. Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, мног плод сотворит. Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю. Аще кто Мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет, и аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой*. Эти слова, сказанные в такой торжественный час, с величием, подобающим Сыну Божию, должны были глубоко напечатлеться в умах и сердцах апостолов, не вмещавших еще мысли о страданиях и смерти Господа. Теперь они слышат, что крест для

Учителя есть путь к прославлению, – что смерть Его необходима для распространения Евангелия во всем мире, подобно тому, как зерно, истлев в земле, дает растению жизнь, – что наконец и для последователей Его нет другого пути к вышней почести, как путь самоотвержения, лишений и страданий.

Но этот крест, предопределенный в предвечном совете Пресвятой Троицы и добровольно воспринятый Сыном Божиим, приводит в смущение человеческое естество, ипостасно соединенное с Божеством в Лице Богочеловека. Иисус Христос, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «был не чужд человеческих ощущений, и душа Его до того была возмущена, что Он даже искал бы избавления от смерти, если бы только можно было ее избежать». Безгрешная душа Его скорбит и смущается при мысли о смерти, потому что смерть есть следствие греха (Рим. 6, 23), а Искупитель наш чужд всякого греха (Евр. 4, 15), но это смущение быстро сменяется глубоким чувством самоотверженной преданности воле Отца Небесного, пославшего Его совершить дело спасения людей (Ин. 4, 34). Эта воля Отца Небесного, при единосущии Отца и Сына (10, 30), есть вместе изволение Сына, а посему Богочеловек, проявив в Себе то, что свойственно человечеству, в торжественной молитве к Отцу Небесному указывает на Свои страдания и смерть, как на неизменное определение, которое должно совершиться, и как на славу Самого Отца в Сыне (Ин. 14, 13; 17, 1, 4, 5, 24). *Ныне душа Моя возмутится, и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего, но сего ради приидох на час сей. Отче, прослави имя Твое.* Тогда пришел громopodobный глас с неба: *и прославих, и паки прославлю, – прославих,* изъясняет святитель Иоанн Златоуст, «в предшествовавших событиях», *прославлю* – «после креста». Страшный час есть переход от одной славы, в тесных пределах Израиля, к другой, всемирной, между всеми народами земли, и к той предвечной которую Он имел у Отца *прежде мир не бысть* (Ин. 17, 5) и в которую ввел, по совершении искупления, и Свое человечество.

В третий раз глас Отца Небесного свидетельствует о Сыне Божиим. При начале общественного служения Иисуса Христа, когда Он выходил из воды после крещения, небесный глас уверял, что крестившийся от Иоанна есть возлюбленный Сын, в Котором все благоволение Бога Отца (Мф. 3, 17), и в другой раз, на горе Преображения, тот же глас приглашал избранных учеников внимать сему возлюбленному Сыну (17, 5). Теперь небесный глас был обращен ко всему народу, окружавшему Господа, но произвел на него неодинаковое впечатление: одни, стоявшие в отдалении, слышали только звуки и говорили, что это – внезапный гром; другие же, находившиеся вблизи, могли различить, что это не раскаты грома, а слова, и, не понимая значения их, утверждали: *Ангел глагола Ему.* Различие впечатления зависело также от различного духовного состояния и настроения иудеев, «людей грубых, плотских и беспечных». Видя, что слушатели не вразумились этим Божественным гласом, Спаситель прямо объявил, что такое чрезвычайное свидетельство нужно было не для Него Самого, а именно для народа, который должен понять важность наступающего часа.

Это будет час великого переворота в мире – решительный час низвержения власти князя тьмы над падшим человечеством, – победный час восстановления на земле Царства Божия крестной смертью Искупителя. *Не Мене ради глас сей бысть, но народа ради: ныне суд есть миру сему: ныне князь мира сего изгнан будет вон. И аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе,* привлеку не только иудеев, но и язычников, «так как их держит тиран и сами по себе они не могут придти и освободиться из рук его, потому что он не пускает их». *Вознесением же Господь и прежде называл Свою крестную смерть* (Ин. 8, 28), а также и теперь, по замечанию святого евангелиста, этим выражением давал разуметь, *кую смертью хотяше умерети.* Поняв, что Господь говорит об отшествии из мира, народ отвечал Ему: *мы слышахом от закона, яко Христос пребывает во веки: како Ты глаголеши, вознестися подобает Сыну Человеческому? Кто есть сей Сын Человеческий?* Возвышенные вещания древних пророков, в которых Царство Мессии представляется непоколебимым и вечным (2 Цар. 7, 16; Пс. 88, 37, 38; Ис. 9, 6, 7; Мих. 5, 2), народ объяснял о земном владычестве Мессии, которое, возвратив

иудеям утраченное могущество, делает их навсегда обладателями мира. Речь Господа Иисуса Христа о вознесении от земли, о смерти, и при том позорной – на кресте, ясно и резко противоречила мечтательным ожиданиям, льстившим народному самолюбию, а посему слушатели Его пришли в крайнее недоумение: они не знали, как согласить предсказание о смерти Сына Человеческого, т. е. Самого Христа, с Его достоинством Мессии. Быть может, они думали, что этот Сын Человеческий отличен от Христа, Который называл Себя Мессиею, или же Сам Христос не более, как предтеча Мессии. Но теперь не время уже было рассматривать и исследовать вопрос, который в течение трех с половиною лет служения Христа-Спасителя был окончательно решен проповедью Его и чудесами. Поэтому, не отвечая прямо Своим совопросникам, Господь преподал им нравственное наставление, в котором они, как видно, нуждались. *Светлый день Христов* (Ин. 8, 56) приближался к концу: тем, которые еще блуждали в отчуждении от Христа и лишены были животворного света истинного *Солнца правды* (Мал. 4, 2), нужно было пользоваться сиянием этого Солнца, чтобы найти верный путь ко спасению. *Еще мало время свет в вас есть: ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет, и ходяй во тме, не весть, камо идет. Дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете.*

Упорство иудеев было так велико, что вразумление Господа и на этот раз, как и прежде (Ин. 7, 33), бесследно коснулось их отяжелевшего слуха. Святой евангелист Иоанн, передавая слова Божественного Учителя, горько жалуется на неверие народа, не обращавшего внимания даже на самые поразительные доказательства Божественного посланничества Его: *толика знамения сотворишу Ему пред ними, не вероваху в Него.* При этом евангелист вспоминает сетования древнего великого пророка и над своими современниками видит исполнение предсказаний его: *да сбудется слово Исаии пророка, еже рече: Господи, кто верова слуху нашему и мьшица Господня кому открься?* Пророческое слово, взятое из 53-й главы (Ис. 53, 1), изображающей в самых поразительных чертах уничижение Мессии, дает понять, как мало будет верующих проповеди и чудесам Его. Другим выражением, заимствованным у того же пророка (Ис. 6, 9, 10) и приведенными не по букве, а по смыслу, св. евангелист объясняет причину неверия народа крайними ослеплением и ожесточением, потерю всякой способности к восприятию откровенной истины: *сего ради не можаху веровати, яко паки рече Исаия: ослепи очи их и окаменил ест сердца их, да не видят очима, ни разумеют сердцем и обратятся, и исцелю их.* К этому святой евангелист присовокупляет, что даже из уверовавших многие, и притом люди, облеченные начальственной властью, быть может, члены синедриона (Ин. 3, 1, 2; 7, 50), скрывали свою веру из опасения подвергнуться преследованию фарисеев: *и от князь мнози вероваша в Него, но фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут, возлюбивша бо паки славу человеческую, неже славу Божию.*

С целью как можно глубже запечатлеть в умах Своих учеников и ближайших последователей мысль о непреложной истине Своего учения и Божестве Лица Своего, Спаситель произнес речь, в которой соединил и сопоставил прежние изъяснения, высказанные в разное время (Ин. 3, 17–19; 6, 63; 7, 16, 28–29; 8, 12, 19, 26, 28; 9, 5; 10, 30, 38). *Веруяй в Мя не верует в Мя, но в пославшаго Мя, и видяй Мя видит пославшаго Мя* – такими словами Господь начал речь, внося о Своем единосущии с Богом Отцом. Это видение, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, духовное или «умственное», и «если, по словам святителя Кирилла Александрийского, Отец виден в Сыне, то, конечно, познается в Нем, как в равном Себе, ибо только существа равные объясняют себя взаимно», так что Сын есть *образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15) по изъяснению святителя Василия Великого, «образ живой, лучше же сказать, самосушая жизнь, образ не в подобии очертания, но в самой сущности всегда сохраняющей неразличимость». Через это видение, к которому приводит вера, Господь делается светом души. *Аз свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тме не пребудет.* Откровение Отца через Сына спасительно людям, а посему неверующий, отвергая Евангелие, сам становится виновником своей гибели: *аще кто услышит глаголы Моя и не верует, Аз не сужду ему: не приидох бо, да сужду*

мирови, но да спасу мир. Отметаяйся Мене и не приемляй глагол Моих имать судящаго ему: слово, еже глаголах, т. е. Евангелие, – то судит ему в последний день, яко Аз от Себе не глаголах, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю, и вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю.

День клонился к вечеру, и время было позднее. Осмотрев все, Господь оставил храм и город, и с двенадцатью учениками опять удалился в Вифанию, которую Он избрал местом ночного отдохновения на все время – до самой последней ночи, проведенной в Гефсиманском саду. В этом тихом селении, в кругу дружественного Ему семейства вдали от многолюдной толпы, наполнявшей город в дни праздника, Он мог спокойно предаться молитвенной беседе с Отцом Небесным, а также в доверенных беседах с учениками запечатлеть в умах их величие и важность последних дней Своей земной жизни.

Второй день – Великий понедельник

Проклятие смоковницы *Мф. 21, 18–22; Мк. 11, 12–14*

На другой день после знаменательного входа в Иерусалим Господь Иисус Христос утром опять пошел в город, в сопровождении двенадцати учеников, тою же, как и вчера, дорогою, но без всякой торжественности. Мысль Богочеловека, естественно, обращалась ко вчерашнему событию, в котором, вместе с скоропреходящим восторгом народа, обнаружилось с поразительной ясностью крайнее ослепление представителей иудейской синагоги, руководителей и наставников народа. Эти лицемеры, прикрывавшие недостаток истинного благочестия внешнею набожностью и добрыми делами напоказ, были злейшими врагами Иисуса Христа и нередко подвергались сильным обличениям воплощенной Истины. Для наглядного изображения духовного неплодия их, а за ними и всего иудейского народа, Господь в Своих беседах воспользовался выразительным образом бесплодной смоковницы: это дерево, украшаясь широкими листьями, но не имея плода, оказывалось не достигающим своего назначения, а посему могло служить наилучшим подобием одной внешности сеновного закона без внутреннего духа жизни. Смоковница, представленная в притче, три года оставалась бесплодною; она была уже обречена домовладыкою на посечение, чтобы не занимала напрасно места, но по совету виноградаря оставлена еще на один год для испытания, не принесет ли плода при новых усиленных попечениях (Лк. 13, 6–9). Такова была иудейская синагога во время спасительного служения Господа Иисуса Христа. Теперь было видно, что и этот год долготерпения Божия, данный ей для вразумления, прошел для нее бесполезно и даже увеличил ожесточение и упорство ее. Отвергнув своего Мессию и не прияв в себя начатков новой жизни, с заменою ветхого закона *сени* и обрядов (Евр. 10, 1) заветом благодати, она теряла последние остатки жизнениности и приближалась к своему концу. То знаменательное действие, которое Господь намеревался совершить теперь перед воими учениками, было как бы продолжением и заключением прежней притчи о смоковнице.

Жители библейского Востока всегда любили образные действия, наглядно представлявшие их пламенному воображению разные отвлеченные понятия. Еще древние пророки нередко употребляли такие действия, чтобы сильнее напечатлеть слова свои в умах и сердцах современников (3 Цар. 11, 30; Иер. 19, 10; 27, 2). Таким же выразительным образом, встретившимся на пути, воспользовался и Христос Спаситель для объяснения Своей мысли. Уступая требованиям плоти или, как выражается блаженный Феофилакт, «по особенному смотрению», Он взалкал. Вдали, при дороге, виднелась одинокая смоковница, и хотя время собирания смокв еще не наступило, но покрывавшие дерево листья, которые обыкновенно появляются после плодов, подавали надежду найти там или осенние фиги (фиолетового цвета), часто остававшиеся на дереве целую зиму, или же (белые) ранние фиги, которые созревали весною и отличались особенно хорошими качествами (Иер. 24, 2). Эти смоквы, или фиги, издавна служили любимую пищу жителей Палестины (1 Цар. 30, 12); туда – к придорожному дереву Господь направил Свой путь, впрочем, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «не для того, чтобы утолить голод, но для учеников, с тем, чтобы преподать им важный нравственный урок. Всеведущий наперед знал, какую найдет смоковницу. Время собирания плодов еще не наступило, но смоковница оказалась совершенно бесплодною: не оставалось на ней зимовальных плодов, не было признака и летних, новых смокв; только одни листья густо покрывали сучья. Господь приблизился к этому дереву, величественному по наружности, но бесполезному и обманчивому

по отсутствию плодов, – и взору Его как бы представилась иудейская синагога со всеми руководителями ее – первосвященниками, книжниками и фарисеями, со всем слепотствующим народом, ведомым слепцами (Мф. 15, 14). Это, по выражению церковных песней, «неплодное иссохшее соборище, покрывающееся листием письменносеновного разума, плодов же дел не имущее», было весьма подобно неплодной смоковнице. То лицемерие, которое Господь обличал так часто и внушительно, теперь предстало пред Ним и учениками Его в живом образе. В предостережение для лицемеров и в назидание для Своих учеников, Он изрек этой смоковнице Свой всемогущий приговор: *да николиже от тебе плода будет во веки – да не ктому от тебе во веки никтоже плода снести!* Ученики слышали слово Учителя и скоро должны были убедиться в действенной силе его: смоковница тотчас засохла. Для ближайших последователей Господа это чудо имело ту нравственную пользу, что показало им в Спасителе также и нелицеприятного Судию, карающего всякое притворство и обман, и еще раз ободрило их ввиду приближающихся событий. «Он всегда благодетельствовал и никого не наказывал, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – надлежало Ему показать и опыт Своего правосудия и отмщения, дабы и ученики, и иудеи знали, что Он хотя и мог иссушить, подобно смоковнице, Своих распинателей, однако же добровольно предает Себя на распятие. Увидев, что смоковница засохла, ученики удивились и говорили: *како абие изши смоковница?* Но Господь обратил это чудо к нравственному назиданию их: *аминь глаголю вам, аще имате веру и не усумнитесь, не токмо смоковничное сотворите, но еще и горе сей речете: двигнися и верзися в море, – будет, и вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, примите.*

Изгнание торжников из храма

Мк. 11, 15–19; Лк. 19, 47–48

По вступлении в город Иисус Христос пришел в храм, из которого вчера изгнал торжников с тою целью, чтобы возвратить дому молитвы подобающую ему святину. Но чувство лицемерных и корыстолюбивых людей мирилось с крайним пренебрежением святыни. Во дворе и притворах святилища Господь нашел те же беспорядки, против которых восставал вчера и с такою силою еще в Самом начале Своего служения в первую Пасху (Ин. 2, 14–16). С того времени прошло три года, и со стороны священников и старейшин храма ничего не было сделано к восстановлению благочиния там, куда стекались израильтяне не из одной Палестины, но с разных концов света: то же корыстолюбие, та же алчность, со всеми свойственными им проявлениями, гнездились в преддверии святилища. Первое, что представлялось взорам вступавшего в священную ограду, не располагало к молитвенной сосредоточенности: здесь было шумное торжище, нисколько не соответствовавшее святости места; между богослужебными принадлежностями были выставлены на продажу жертвенные животные и скамьи с клетками голубей; для размена денег и обмена иностранных монет на еврейские для уплаты подати на храм (Исх. 30, 11–16) стояли столы меновщиков; вокруг толпилось множество народа, и вместо благоговейной тишины, подобающей храму, повсюду слышался говор многолюдной толпы, раздавались крики животных, совершались торговые сделки, сопровождаемые спорами и обманом. Все это делало преддверие святилища похожим на вертеп разбойников. При виде такого забвения святыни храма, Владыка его – Господь Иисус Христос опять приступил к очищению его. Он опять начал выгонять из храма продающих и покупающих и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей; при этом, обратившись с упреком к Своим современникам, забывшим наставления праведных предков, напомнил им вещания древних пророков Исаии (Ис. 6, 7) и Иеремии (7, 11): *несть ли писано, яко храм Мой, храм молитвы наречется всем языком? Вы же сотвористе его вертеп разбойником*. Алчность, соединенная с обманом, или, как выражается учитель Церкви – святитель Филарет Московский, «искание собственной корысти в доме Божиим», делали торжников похожими на разбойников, делящих добычу, и самый храм – на притон хищников. С удалением нарушителей тишины и благочиния все пришло в должный порядок. Свою ревность о благолепии храма Господь простер до того, что не позволял даже проносить через двор его и притворы вещи, хотя не излишние в обыденной жизни, но не приличные месту молитвы. Впрочем, в этом действии очищения святилища от всего не свойственного ему, – действию, совершенном Господом в конце Своего служения, в предведении наступающего великого жертвоприношения Голгофского, сокрыт был более глубокий смысл скорого прекращения ветхозаветных жертв (Евр. 9, 12; 10, 9). «Изгнав волов и голубей, – замечает блаженный Феофилакт, – Он этим хотел показать отмену жертв и предсказал, что нет более нужды в жертвоприношении или заклании животных, но нужна молитва». Господь ясно видел, что наступает время, когда святой храм Его будет домом молитвы не для иудеев, но для всех народов, для всех истинных поклонников, поклоняющихся Отцу духом и истиною (Ин. 4, 23) без прообразовательных обрядов и жертвоприношений.

Строгое обличение, которым Спаситель сопровождал очищение храма, относилось не к одним торжникам, превратившим дом Божий в место купли и продажи, но и к первосвященникам, книжникам и старейшинам народа, допустившим беспорядок. Слепленные неверием и враждою, они еще прежде положили убить Иисуса Христа (Ин. 11, 53), а теперь начали придумывать, каким именно способом привести в исполнение свое решение. При этом они чувствовали себя в крайнем затруднении и не находили, что бы сделать с своим Обличителем: они боялись Его, потому что народ, постоянно окружая Его, слушал проповедь и удивлялся учению Его. В случае какого-либо насилия – так предполагали враги Христовы – весь народ

мог восстать на защиту Учителя, по одному слову Его, и не только отмстить им, но и навлечь гнев иноплеменных властителей на всю страну. Такое опасение было высказано уже раньше в собрании синедриона (Ин. 11, 48, 50).

Третий день – Великий вторник

Наставление о силе веры и молитвы

Мк. 11, 20–26

После ночи, проведенной в Вифании, утром Господь Иисус Христос с учениками Своими в последний раз направил путь в Иерусалимский храм. Проходя мимо иссохшей смоковницы, все заметили, что на ней не было уже и следа зелени и что дерево засохло до корня. Петр, вспомнив, что было вчера, обратил внимание Учителя на засохшее дерево и сказал: *Равви, виждь: смоковница, юже проклял еси, усие*. Господь, желая глубже напечатлеть в сердцах учеников Своих наставление, преподанное вчера, в Своем ответе на замечание Петра опять показал и ту внутреннюю причину, которая производит недомыслимо дивные дела, – веру, и то могущественное средство, через которое эта причина действует, – молитву, и наконец ту благотворную цель, к которой должно быть направлено это действие, – мир и любовь к ближним: *имейте веру Божию, – веру в Бога, утверждаемую в сердце благодатью Его* (Деян. 3, 16; Еф. 2, 8). *Аминь бо глаголю вам, яко иже еще речет горе сей: двигнися и верзися в море, – и не размыслит в сердце своем, но веру имет, яко еже глаголет, бывает, – будет ему, еже еще речет*. Из Евангельского повествования не видно, чтобы апостолы когда-либо воспользовались этим обетованием, данным твердой вере (Мф. 17, 20; Лк. 17, 6), но, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «они сделали гораздо более»: кроме поразительных чудес – исцеления больных, воскрешения мертвых, они совершили величайшие нравственные дела, сдвинув горы многобожия и вековых заблуждений и всю вселенную обратив ко Христу. Притом, по словам того же святого отца, «апостолы могли бы и сдвинуть гору, ежели бы только нужно было, да и Господь не сказал: передвинете непременно, но можете передвинуть». *Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете, – и будет вам*. Впрочем, такая чудодейственная сила присуща лишь молитве, направленной ко благу ближних, миру и спокойствию их, а не ко вреду, расстройству и вражде: *егда стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша; аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших*. Вражда, гнездящаяся в сердце, делает человека преступником существенной заповеди Нового Завета о взаимной любви (Ин. 13, 34; 15, 12, 17) и лишает его благодати Божией. Наставление о прощении обид для благоуспешности молитвы Господь высказал не только ученикам, но и всем верующим еще прежде – во время Нагорной проповеди (Мф. 6, 14, 15).

Вопрос синедриона

Мф. 21, 23–27; Мк. 11, 27–33; Лк. 20, 1–8

Между тем торжественный вход Господа Иисуса Христа в Иерусалим и изгнание из храма торжников привели врагов Его в крайнее замешательство. Ослепленные неверием члены верховного иудейского судилища – синедриона, которому принадлежало право решать вопросы веры, незадолго перед сим положили убить Спасителя и дали приказание, чтобы всякий, знающий, где Он находится, объявил о местопребывании Его (Ин. 11, 53, 57).

И вот, осужденный ими опять всенародно является в качестве Мессии, принимает чествование народа и усваивает Себе господственную власть в доме Божиим. Употребить против Него силу, задержать и предать суду представлялось преждевременным и далее небезопасным, ввиду многолюдной толпы народа, теснившегося вокруг Божественного Учителя. Посему они на некоторое время отсрочили исполнение богоубийственного намерения своего, и когда Господь вошел в храм и начал учить, подступили к Нему и спросили: *рцы нам, коєю властию сия твориши и кто Ти даде власть сию, да сия твориши?* Этот хитрый вопрос был предложен с тою целью, чтобы, как замечает толковник, «привести Его в затруднение и уловить» (блаженный Феофилакт). Совопросники, без сомнения, ожидали, что Он объявит Себя вслух всего народа Мессиею, а этого было бы достаточно для того, чтобы выставить Его перед римским правительством опасным возмутителем, перед народом—богопротивником. Последующие события доказали, что они могли рассчитывать на успех такой клеветливой уловки (Мф. 26, 65, 66; Лк. 23, 25). Но Христос, истинная Премудрость, Сам «уловляет мудрецов в коварстве их». *Вопрошу вы и аз слово едино, отвечал Он, еже аще речете Мне, и аз вам реку, коєю властию сия творю. Крещение Иоанново откуда бе с небесе ли или от человек? – Отвещайте Ми.* В прямом, бесхитростном ответе на этот вопрос заключалось решение и того вопроса, который был предложен Господу врагами Его. Служение Иоанна находилось в неразрывной связи с служением Иисуса Христа. Предтеча Господень был послан от Бога, чтобы свидетельствовать о свете истинном, просвещающем всякого человека, – Христе (Ин. 1, 6–9), и сам себя считал не более как другом Божественного Жениха, недостойным развязать ремень у обуви Его (Ин. 1, 27; 3, 29–31). Если же служение Иоанна было так высоко, то еще выше служение и Лице Того, Кого Иоанн называл пришедшим свыше, с небес, и высшим всех (Ин. 3, 31). Признав Иоанна посланником Божиим, совопросники принуждены были бы принять свидетельство его о Христе. Но и сказать, что Иоанн был простой человек и что служение его не заключало в себе ничего Божественного, представляло для них большую опасность со стороны народа. Совопросники увидали себя в крайне затруднительном положении и начали рассуждать между собою: *аще речем: с небесе, речет нам: почто убо не веровасте ему? Аще ли же речем: от человек, боимся народа, – аще речем: от человек, еси людие камением побьют ны, известно бо бе о Иоанне, ибо Пророк бе, вси бо имяху Иоанна, яко воистинну Пророк бе.* На этот раз враги Христовы, с затаенною в сердцах злобою, сочли за лучшее сознаться в неведении: не вемы, откуда. Ни аз вам глаголю, отвечал им Господь Иисус Христос, *коєю властию сия творю.* Указанием на служение Иоанново все было сказано, что нужно для обличения синедриона, который сначала не признал Предтечу Господня, а потом отверг и самого Мессию.

Притчи о двух сынах, посланных отцом в виноградник, о злых виноградарях и о брачном пире сына царя Мф. 21, 28–31; 22, 2–14; Мк. 12, 1–12; Лк. 20, 9–19

Продолжая речь, Господь Иисус Христос, по обычаю, в выразительных притчах показал иудеям нераскаянность и ожесточение их, указал на горестную судьбу, ожидающую их, и заставил их самих произнести над собою приговор. *Что же ся вам мнит?* – спросил Господь Своих слушателей, чтобы обратить особенное внимание их на то, что намеревался сказать. *Человек некий имяше два сына, и пришед к первому, рече: чадо, иди днесь, делай в винограде моем. Он же отвечае рече: не хочу; последи же раскаявся иде. И приступль к другому, рече такоже; он же отвечае рече: аз, господи, иду, и не иде. Кто от обою сотвори волю отцю?* Не понимая еще, куда клонится цель притчи, и, считая себя выше всякого обвинения, иудеи отвечали: первый. Между тем, по мысли Господа, виноградник означал благодатное Царство Его, к которому Он призывал и через Предтечу Своего Иоанна, и Сам непосредственно, всех сынов Израиля, наследников древних обетований Божиих (Рим. 9, 4). И тогда как люди презираемые, мытари и грешники, пови димому непослушные сыны Небесного Отца, с сокрушенным сердцем приняли это призвание, покаяться в своих грехах и вступили на спасительный путь к Царству Божию, те, которые считали себя *вождями слепым, светом сущим во тме, показателями безумным, имущими образ разума и истины в законе* (Рим. 2, 19–20), – книжники и фарисеи, взявшие ключ разума (Лк. 11, 52), и по-видимому ревновавшие о законе и исполнении заповедей его, оказались чадами преслушания, упорными и нераскаянными противниками Царства Божия. *Аминь глаголю вам,* сказал им Господь, *яко мытари и любодейцы варяют вы в Царствии Божии; прииде бо к вам Иоанн Креститель путем праведным,* – именно вы, представители народа, прежде всех могли убедиться в непререкаемой истине вещаний его, – и не веровали ему, мытари же и любодейцы веровали ему; вы же видевши не раскаяетесь последи веровати ему.

В следующей притче Господь еще с большею ясностью изобразил упорное неверие иудеев, многократно отвергавших призвание Божие, а также предсказал страдания и смерть Свою. *Ину притчу слышите. Человек некий бе домовит, иже насади виноград и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и созда столп для стражей, и вдаде и делателем, и отыде – на лета многа. Егда же приблизися время собирания плодов, посла к делателем раба – прияти от плода винограда. – Делатели, емше побихша и отослаша тща. Паки посла к ним другаго раба: они же и того камением бивше побихша главу ему, – и досадивше (ему), послаша тща. И приложи, послами третияго; они же и того уязвше изгнали; – паки посла ины рабы множайша первых, и сотвориша им такоже, – овы убо биюще, овы же убивающе. Еще убо единаго сына име возлюбленнаго своего и рече господин винограда: что сотворю? Послю сына моего возлюбленнаго. Посла и того к ним последи, глаголя; еда како, его видевши, усрамятся. Видевши же его делателе, мышляху в себе глаголюще: сей есть наследник, приидите, убием его и удержим достояние его, – и наше будет наследство. И емше его, изведоша вон из винограда, и убиша. Егда убо приидет господин винограда, что сотворит делателем тем? Слушатели, еще не вдумавшись в смысл притчи, направленной против них, отвечали: *злых зле погубит их и виноград предаст иным делателем, иже воздадут ему плоды во времена своя.* Да, подтвердил Спаситель приговор их над самими собою, *приидет и погубит делатели сия и вдаст виноград иным.**

Смысл этой притчи был настолько ясен, что упорствовать в непонимании ее было невозможно. В ней наглядно выражено Спасителем то промыслительное попечение, с каким Бог приготовлял избранный народ к принятию откровения Нового Завета. Еще в песни древ-

него пророка этот народ представляется виноградником на верху утучненной горы, который Домовладыка обнес оградой, очистил от камней, насадил в нем отборные виноградные лозы, построил башню посреди его, выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. *Что сотворю еще винограду Моему, говорит Пророк от лица Божия, и не сотворих ему* (Ис. 5, 1–2, 4)? Этим знаменательным пророческим образом воспользовался Господь для того, чтобы сделать речь Свою вполне понятною слушателям, знавшим писания пророков. Сам Бог насадил виноградник Свой, вызвав Авраама, родоначальника евреев, из земли языческой и возрадив племя его в многочисленный народ. Избранный народ Свой Он обнес *оплотом*, т. е. отделил его от прочих языческих народов, обрезанием и разными обрядовыми заповедями поставив его в безопасности от смешения с иноплеменниками. В сем винограднике Он ископал *точило*, – поставил жертвенник, на котором прообразовательно проливалась кровь животных, и построил *столп*, т. е. храм, и затем отдал его *делателям* – учителям и правителям иудейским (блаженный Феофилакт). Для вразумления и наставления Бог неоднократно посылал к избранному народу слуг Своих – пророков. Он послал сперва одного раба, т. е. как можно думать, замечает блаженный Феофилакт, «пророков, бывших около времени Илии, например, Михея, которого бил лжепророк Седекия (3 Цар. 22, 24); послал другого, которому камнями пробивали голову и таким образом нанесли полное поругание: можно отнести это ко временам Осии и Исаии; послали и третьего раба, что можно разуметь о пророках времен плена иудейского, например о Данииле и Иезекииле. Наконец Бог послал Сына Своего говоря: *усрамятся Сына Моего*; сказав же это, не зная, что они сделают с Сыном Его, но выражая то, чему, по намерению Его, надлежало быть и что было возможно». Притча приподнимала перед глазами иудеев завесу приближающихся событий и предсказывала, что они, отвергнув *наследника*, Христа, выведут Его вон из виноградника, т. е. Иерусалима, и умертвят, и что Господин виноградника, Отец убиенного Сына или, лучше, сам убиенный Сын погубит преступный народ, предав его римлянам, а виноградник вручит *иным делателем*, апостолам, и призовет в духовное Царство Свое язычников».

Грозные слова Господа о гибели злых виноградарей и о призвании в виноградник новых делателей произвели на слушателей особенное впечатление, так что они поспешили отозваться: *да не будет сего*, – избави Бог, чтобы дошли до такого положения и принуждены были потерять свои древние преимущества! Тогда Иисус Христос, взглянув на Своих собеседников взором, проникающим сердца, припомнил им стихи 22 и 23 псалма 117-го, в которых пророчески изображено поведение их в отношении к Нему: *несте ли чли николиже в Писаниих: камень, егоже небрегоша зиждущи, сей бысть во главу угла; от Господа бысть сей и есть дивно во очю вашею*. Образ, употребленный Псалмопевцем, заимствован из строительного искусства, где для опоры двух стен, сходящихся в угле, полагается самый твердый и большой камень. Таким камнем для здания святой Церкви сделался Глава ее Христос (Деян. 4, 11; 1 Пет. 2, 7; Рим. 9, 33), соединяя и связуя всех – иудеев и язычников – одною верою. *Сего ради глаголю вам*, – продолжал Господь, – *яко отыметя от вас Царствие Божие, и дастся языку, творящему плоды его*, – тому духовному Израилю, который будет состоять из потомков Авраама по вере (Рим. 4, 16), не иудеев только, но и язычников. Иудеи своим упорным неверием отвергли зиждимый камень, но во вред себе, потому что *всяк падый на камени том сокрушится, а на немже падет, сотрьет его*. Одни сами претыкались о камень, соблазняясь уничиженным видом Богочеловека: такие, лишаясь благодатного участия в Царстве Христовом, терпели немалый ущерб; другие, упорствуя в неверии не по неведению, а по злобе и крайнему ожесточению, приготовляли себе конечную гибель. Падение этого всесокрушающего камня неверующие иудеи испытали тогда, как римляне окончательно поработили их, а все подражающие неверию их испытают на последнем всеобщем суде.

Первосвященники, книжники и фарисеи поняли, что эти притчи были сказаны Спасителем против них. Стыд всенародного посрамления еще более увеличил ненависть их к Гос-

поду Иисусу Христу, так что они хотели было схватить Его, но побоялись народа, который почитал Его за Пророка. Из приточных вразумлений Господа они узнали все, что им нужно было знать: слышали, что отвергаемый ими Мессия признает Себя краеугольным камнем, на котором зиждется счастье нового Израиля, – что враждебные, богоубийственные замыслы их известны Ему, – что страдания и смерть, которые уготовляются Ему, не страшат Его, потому что Он решился исполнить все, что предназначено для спасения людей домостроительным смотрением Божиим. Вместо того, чтобы обратиться к своей совести и еще раз, но вполне беспристрастно размыслить о том, что служило для них предметом пререканий (Лк. 2, 34), враги Христовы затаили злобу в сердцах своих.

Продолжив беседу, Господь предложил притчу, в которой возвестил не только об отвержении иудеев и о призвании в Царство Свое язычников, но и о том, что из призванных и вошедших на брак не все так же окажутся достойными участниками духовного пиршества. *Уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему. И посла рабы своя призвати званья на браки, и не хотяху приити. Паки посла ины рабы, глаголя: рыцте званым: се обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова, приидите на браки. Они же небреглише отыдоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя. Прочии же, емше рабов его, досадиша им и убиша их. И слышав царь той разгневался, и послав вой своя, погуби убийцы оны и град их зажже. Тогда глагола рабом своим: брак убо готов есть, званьи же не быша достойни, идите убо на исходяща и елицех аще обряцете призовите на браки. И изшедше раби они на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых, и исполнися брак возлежащих. Вишед же царь видети возлежащих, виде ту человека не облеченна во одеяние брачное и глагола ему: друже, како вишел еси семо, не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранных.* В разных местах святого Писания Христос Спаситель называется Женихом, а Церковь или общество верующих – Невестой Его (Мф. 9, 15; 25, 1; Ин. 3, 29; Еф. 5, 27); посему и учреждение на земле духовного Царства Его уподобляется брачному пиру. Об открытии Царства Христова иудеи были задолго предупреждены прообразовательным законом Мои сея и вещаниями пророков, и когда оно открылось, к участию в нем призваны проповедью Самого Сына Божия и апостолов. Но званые не только не вняли спасительному зову по своекорыстным расчетам, но «наругались над апостолами, убили Стефана, умертвили Иакова» (святитель Иоанн Златоуст). Указанием на истребление убийц, по замечанию святого отца, Господь «предсказывает события, случившиеся при Веспасиане и Тите», т. е. времена разорения Иерусалима. После того, как званые оказались недостойными, апостольская проповедь обращается к язычникам (Деян. 13, 46), которые в притче сравниваются с людьми, «не ходящими по истинному пути, но расшедшимися в разные стороны и блуждающими по распутиям» (блаженный Феофилакт). С того времени все мы, и добрые, и злые, призываемся к спасению благодатью Божиею, но потом, по словам блаженного Феофилакта, «жизнь вошедших на брак подлежит истязанию, и великому истязанию, если по вступлении в веру обрящемся оскверненными: много таких, которые, обольщаясь тщетною надеждою, думают получить Царствие Небесное и, думая о себе много, причисляют себя к лику возлежащих». Под одеянием разумеются дела жизни, так что, «если у кого нет жизни чистой, тому нисколько не пользует одна вера, и тот не только отвергается от брака, но и посылается в огонь». Наконец, много званых, потому что «Бог призывает всех, но мало избранных, ибо мало спасаемых и достойных избрания Божия: призывание зависит от одного Бога, а быть избранным зависит и от нас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.